

Первухин М. Писательская братия и государство. Из воспоминаний о А.П. Чехове // Слово (Рига). 1927. 11 сентября. № 620. С. 3.

Писательская братія и государство.

Изъ воспоминаній о А. П. Чеховѣ.

Въ той же бесѣдѣ, во время которой Чеховъ говорилъ мнѣ о своихъ взглядахъ на А. С. Суворина и «Новое Время»,—онъ затронулъ одну очень болшую, и, признаться, весьма щекотливую тему—о взаимоотношеніяхъ между писательскою братіею и государствомъ.

— Государство, — говорилъ онъ, — до сихъ поръ какъ бы игнорируетъ существованіе «брата писателя», предоставляя его его собственной участи, и заботясь только о томъ, чтобы цензура бдила и не позволяла ему, писателю, потрясать основы. Писательство официально объявлено «вольною профессіею». Дѣлай, что хочешь. Живи, какъ хочешь. Пиши, что хочешь, и сколько вѣзешь, помнуй о цензурномъ уставѣ. А до всего остального мнѣ, Государству, дѣла нѣту.

Есть въ этомъ порядкѣ, конечно, и очень положительныя стороны. Но есть, вѣдь, и кое-что отрицательное.

Вотъ, тутъ не мѣшало бы, дѣйствительно, поставить нѣкоторые принципиальныя вопросы. И начать вотъ съ чего: нужно ли писательство вообще? Конечно, нужно, ибо, какъ ни крути, какъ ни верти, наше писательское творчество и является однимъ изъ весьма существенныхъ элементовъ культуры. Если нуженъ составитель учебника географіи Янчинъ, учебника исторіи Плавинскій, и «исторіи словесности» Буславъ, что ли, а грамматикъ — Кириллинъ, — то, ясно же, по меньшей мѣрѣ столько же нуженъ Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ. А разъ это такъ, то нѣтъ проявляемое холодно-безразличное отношеніе Государства къ писательской братіи оказывается по меньшей мѣрѣ не-логичнымъ.

Почему Государство считаетъ себя обязаннымъ обезпечивать старость любого учителя правописанія и преподавателя географіи, и не думаетъ о томъ, что не мѣшало бы позаботиться ну, скажемъ, о писателѣ Засодимскомъ, бѣдомъ, какъ дунъ старичкѣ, котораго мы на этихъ дняхъ видѣли здѣсь, и который, послѣ сорока лѣтъ чѣмъ то лѣтъ очень интенсивной работы—вынужденъ и теперь обивать пороги редакцій и издательствъ, хотя писаннымъ имъ книги образуютъ цѣлую библиотечку?!

Почти каждый день почта приноситъ мнѣ письма отъ причастныхъ писательству людей, — и стариковъ, и молодыхъ, и людей съ именами, и начинающихъ. И въ рядкѣмъ письмѣ нѣту горькой жалобы на положеніе, а нѣкоторые письма—сильной волы отчаянія. По большей части жалоба такова: почти нѣту возможности работать по настоящему. Приходится годами откладывать выполненіе надуманныхъ и намѣченныхъ большихъ работъ, ибо пока большую вещь еще напишешь, пока ее пристроишь, — вѣтъ — жить то надо. На этихъ дняхъ одинъ старый знакомецъ, авторъ нѣсколькихъ довольно сносно идущихъ книжекъ, писать мнѣ: перебиваюсь писаніемъ идиотскихъ разсказовъ для малолѣтнихъ. Платятъ сущіе гроши, но платятъ немедленно, и берутъ все, что я напишу. Приходится сидѣть надъ работою съ утра до ночи, не разгибая спины, чтобы «выгнать» около ста рублей въ мѣсяцъ. На меньшее, вѣдь, не проживешь съ семьей. И выходитъ такъ: вся энергія уходитъ на эти, въ сущности, никому не нужные разсказы. А настоящее дѣло дѣлать нѣтъ. Задуманный и уже начатый историческій романъ лежитъ. Третій годъ вожусь съ нимъ: нѣтъ времени написать, ибо нѣту въ запасѣ хотя бы пяти или шести сотъ рублешекъ...

Другой, и тоже человекъ съ именемъ, гораздо скромнѣе въ своихъ мечтаніяхъ:

— Добыть бы рублей триста, четырехста, что-

бы забиться въ какое нибудь глухое мѣсто, и тамъ просидѣть, работая безъ помѣхи, полгода.

Жена третью пишетъ мнѣ:

— Врачи посылаютъ мужа на югъ. Грозятъ: не увезете—зачахнете! Но съ чѣмъ же ѣхать?! И такъ еле перебиваемся, благодаря тому, что живемъ тамъ, гдѣ много редакцій и издательствъ. А уѣдешь — отсутствующіе всегда виноваты. Да и тронуться не съ чѣмъ. Все заложено...

Вотъ, читая такіа письма, я и думаю: неладно что то выходитъ, право! Какое-то колесико зубчатого, какого то рычажка, какой то пружины или пружинки нѣту въ нашей государственной машинѣ. Что то позабыли въ надлежащее время устроить. О чемъ то не позаботились, какъ слѣдуетъ...

И дальше, естественно, прихожу къ мысли: Государство должно уравнивать писателей въ правахъ, ну скажемъ, съ казенными педагогами, со всѣми вытекающими изъ сего послѣдствіями. Чиновъ и орденовъ за пресловутую выслугу лѣтъ намъ, конечно, не надо. Но долженъ имѣться какой нибудь правительственный органъ, обязанный «имѣть поочечіе» о нашемъ братѣ. По крайней мѣрѣ,—о старикахъ, выбившихся изъ силъ, объ инвалидахъ писательскаго труда, о вдовахъ и сиротахъ, о заблывающихъ писателяхъ.

Долженъ быть какой нибудь органъ, который долженъ выяснять заслуги писателя передъ націею. Скажемъ такъ: пусть сіе дѣло будетъ поручено Академіи Наукъ, которая, вѣдь, и по идѣе обязана «поощрять писательство». Пусть имѣется пенсіонный фондъ, фондъ единовременныхъ пособій, фондъ «трудоустройства».

Нужны средства? Да, конечно? Но, вѣдь, не Богъ знаетъ, какія? А я не постѣснялся бы тутъ поступить круто: обложить бы маленькимъ налогомъ всѣ газетныя, журнальныя и книжныя издательства. Введъ бы обязательными процентными отчисленія изъ тѣнорара. Да и еще многое можно, конечно, придумать. Но деньги добыть можно! Была бы только охота заняться этимъ дѣломъ!

И о другомъ думаю: объ организаціи государственнаго издательства на самыхъ широкихъ началахъ.

Почему нѣтъ? Вѣдь, это дѣло можно организовать такъ, что и наша болѣзненная «принципиальность» не пострадаетъ. Вотъ, вы послушайте только!

Спросъ на книгу и прочее быстро, неудержимо быстро растетъ. И онъ будетъ расти почти безпредѣльно, потому что распространяется хотъ и привонокъ грамотности, увеличивается число школъ, вырастаютъ какъ грибы, библиотеки и частныя собранія книгъ. Аксиома: спросъ будетъ расти. Другая аксиома: при мало-мальски рациональной постановкѣ дѣла,—какой у насъ еще нѣту,—книгоиздательство является съ чисто коммерческой точки зрѣнія чрезвычайно выгоднымъ предпріятіемъ. Напечатанная книга можетъ расходиться и три года, и пять лѣтъ. Рискъ связанный съ издательскимъ дѣломъ, совершенно ничтоженъ. Но нашъ предпринимательскій частный капиталъ еще очень хиничаетъ, стремится рвать куски по волчьимъ идейнымъ издательствамъ, пока что, нѣту, если не считать Павликова. Но это—мелкота, а не настоящее дѣло...

И, вотъ, моя идея такова: пусть за дѣло возьмется та же Академія Наукъ, которая, кстати сказать, вѣдь, и теперь занимается издательствомъ, но очень ужъ по казенному, бездушно, интересуясь только произведеніями «Великихъ Покойниковъ» и не заботясь о живыхъ.

Государственное издательство, разумѣется, не будетъ заботиться о наживѣ. При надобности, оно можетъ не пугаться и убытковъ на какомъ-нибудь отдѣльномъ изданіи: все равно, можно наверстать на другомъ. Вонъ, изданія стихотвореній покойнаго Надсона, при жизни почти голодавшего, уѣхавшаго въ Крымъ умирать на собранныя по подпискѣ деньги, даютъ и даютъ прочный и достаточно большой доходъ.

Дѣло Государственнаго Издательства — заботиться о томъ, чтобы не погибала литературная работа, имѣющая известную цѣнность. Затѣмъ, оно же должно заботиться о томъ, чтобы читатель всегда могъ найти дѣйствительно хорошую изданную книжку, а не какое то чучело огорожное, растрепанное и грязное.

— Что же, Антонъ Павловичъ?! Выступите съ этою идеею въ печати! Снеситесь съ редакціями крупнѣйшихъ газетъ и журналовъ. Заставьте общество заинтересоваться и оказать давленіе на правительство...

Чеховъ улыбая развелъ руками и вымолвилъ:

— Боязно, голубчикъ!

— Почему же «боязно»? Дѣло чистое!

— Само по себѣ—да, чистое. Но, вѣдь, мы, россияне конца XIX и начала XX вѣка, облада-

емъ какою-то удивительною способностью все чистое превращать въ нечистое, все живое превращать въ мертвое, все одушевленное дѣлать бездушнымъ!

Иностранцы,—тѣ какъ те ухитряются сговориться по любому вопросу, даже самому спорному. Мы же, наоборотъ, ухитряемся перегрызть другъ другу горло даже изъ совсѣмъ безспорныхъ, чисто практическихъ вопросовъ. Мы ужасно любимъ упрекать власть въ бездушной бюрократичности, въ стремленіи не дѣло дѣлать, а «дѣла» писать. А на дѣлѣ—вѣдь, мы сами то насквозь пропитаны духомъ бюрократичности.

Моя идея Государственнаго Издательства, при практическомъ ея осуществленіи, потребуетъ созданія очень солидной организаціи. Ну, и начнется обычная картина: появится, только подъ какою нибудь немнимою кличкою, подъ маскою, расписанною «подъ общественность»,—новый Департаментъ Министерства Народнаго Образованія. И будетъ тамъ стоять во главѣ какой нибудь очень плохой писатель, играющій роль Директора Департамента. При немъ сами вырастутъ три вице-директора. При каждомъ вице-директорѣ—по четыре секретаря. При каждомъ секретарѣ благообразнѣе молодые люди съ узкими лбами и изумительными подборками. И появится цѣлая армія, кѣмъ то втиснутыхъ на службу «барышень съ образованіемъ». И появятся писцы, архивариусы, регистраторы, подписыватели бумагъ, курьеры. И понадобятся «командировочныя», «подъемныя», «проегонныя» и прочія. И организуются, конечно, сверхурочныя вечернія занятія.

Уф—фа! Даже жарко становится при одной мысли!

А потомъ «благодарное потомство» будетъ говорить:

— Посадили Чеховъ на нашу шею «сверхъ-гигантскій гнилой грибокъ»!

Я-то, конечно, къ тому времени буду уже въ гробу лежать. Но, вѣдь, чѣмъ чортъ не шутить?! Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, подъ влияніемъ огорчительныхъ вѣстей изъ міра живущихъ мои несчастныя кости въ гробу переморачиваться начнутъ, и даже до неистовства!

Нѣтъ, что ужъ?! Пусть кто нибудь другой возьметъ на себя сію инициативу. А у меня, вонъ, и безъ того какая то подозрительная грызъ въ мышцахъ...

М. Первухинъ.